

В.В. Перхин (Санкт-Петербург, Россия)

Л.И. Толстая о мемориальном музее писателя (по архивным материалам)

Аннотация: В статье на документальном материале, впервые вводимом в научный оборот, показаны обстоятельства переезда А.Н. Толстого из Ленинграда на жительство в Москву и Подмоскowie, история его завещания и действия вдовы, пытавшейся добиться создания мемориального музея писателя на базе его загородного дома.

Ключевые слова: А.Н. Толстой, Л.И. Толстая, В.М. Молотов, Н.С. Тихонов, А.А. Фадеев, Борвиха (Барвиха), мемориальный музей

V.V. Perkhin (St.-Petersburg, Russia)

Lyudmila I. Tolstaya about the Tolstoy Memorial Museum (Research into Archival Materials)

Abstract: This article first introduces documentary evidence showing why Alexei Tolstoy had to move from Leningrad to Moscow. It then discusses the history of his will and what his widow did in an attempt to set up a memorial museum in the author's country house.

Key words: A.N. Tolstoy, L.I. Tolstaya, V.M. Molotov, N.S. Tikhonov, A.A. Fadeev, Borvikha (Barvikha), memorial museum

В мемуарной литературе Л.И. Толстая, последняя жена и секретарь А.Н. Толстого, предстает любительницей антиквариата¹, помощницей несправедливо репрессированных, посылавшей им деньги и вещи, хлопотавшей с помощью мужа об облегчении их участи². К одной из двух версий склоняются и исследователи³. Однако есть источники, которые позволяют предположить, что Толстой ценил ее не только за красоту, возвышенную душу, но и за деловые качества, которые в полной мере проявились после его смерти.

¹ Милашевский В.А. Вчера, позавчера... : Воспоминания художника. М.: Книга, 1989. С. 294–295.

² См.: Прянишников Б. А.Н. Толстой в Барвихе // Родина. 1991. № 4. С. 56–58.

³ См.: Оклянский Ю.М. «Бурбонская лилия» графа Алексея Толстого. Четвертая жена. М.: Золотой свиток, 2007.

А.Н. Толстой и Л.И. Толстая. 1936.
Музей-квартира А.Н. Толстого в Москве.
Публикуется впервые.

Как способный организатор она своевременно напоминала мужу о тех или иных шагах в поддержку осужденных¹, умело составляла деловые письма от имени мужа, когда он уже не мог писать², своевременно опубликовала воспоминания о работе писателя над третьим томом «Петра I» в журналах «Огонек» и «Новый мир»³. Тогда же она активно выступила за создание мемориального музея в его загородном доме.

Толстой, вероятно, стал чувствовать приближение смерти весной 1944 г. Иначе трудно объяснить, почему он, недавно отметивший свое шестидесятилетие и славившийся здоровьем, решил оформить завещание. Это произошло 24 мая 1944 г. в Первой Московской государственной нотариальной конторе. В завещании сделаны «следующие распоряжения:

Все мое имущество, какое только ко дню моей смерти окажется мне принадлежащим, в том числе библиотеку, рукописи, архив, все денежные вклады в сберкассах и банках на текущих счетах, легковые автомашины, предметы домашней обстановки, предметы роскоши и искусства, находящиеся в деревне Борвиха Усовской ветки на даче № 2 и в моей московской городской квартире в доме № 2 по Спиридоньевке⁴, я завещаю жене моей, ТОЛСТОЙ Людмиле Ильиничне. Авторские права на мои литературные труды я завещаю также моей жене ТОЛСТОЙ Людмиле Ильиничне...»⁵.

Вслед за подписью Толстого стоит фраза: «На исполнение воли по настоящему завещанию согласна Людмила Ильинична Толстая». 30 мая завещание удостоверил старший нотариус К.А. Якубовский. Была взыскана госпошлина: десять рублей за составление проекта завещания и десять рублей за его удостоверение.

¹ См.: Перхин В.В. А.Н. Толстой и власть. СПб.: Алетейя, 2017. С. 108–111, 122–125.

² См.: Деятели русского искусства и М.Б. Храпченко, председатель Всесоюзного комитета по делам искусств (апрель 1939 – январь 1948): Свод писем / Изд. подготовил В.В. Перхин. М.: Наука, 2007. С. 218–219.

³ См.: Новый мир. 1945. № 2–3; Огонек. 1946. № 4.

⁴ Ныне ул. А.Н. Толстого.

⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Ед. хр. 1461. Л. 108. Здесь и во всех других письмах А.Н. Толстого и Л.И. Толстой название деревни пишется *Борвиха*, что, вероятно, соответствует исторической топонимике (деревня в Бору, деревня около Бора).

27 ноября 1944 г. Толстой направил письмо в Совет народных комиссаров:

«Дорогие товарищи, я обращаюсь в Вам с моей посмертной просьбой: Я оставляю завещание, каким большую часть наследственной массы передаю моей жене Людмиле Ильиничне Толстой.

Ей я передаю мою библиотеку, рукописи, архивы, предметы домашней обстановки, картины, мебель, украшения, легковые машины – словом всё, что находится у меня на даче в Борвихе и на моей московской квартире. Ей же я завещаю и тот гонорар, который будет поступать от моего авторского права на мои произведения и на текущие постановки. <...>

Такое завещание я делаю, руководствуясь двумя соображениями. Первое: мои два сына и дочь – люди совершеннолетние, стоят на своих ногах и были достаточно обеспечены моими прежними дотациями. Второе: моя жена, Людмила Ильинична Толстая, была мне истинным другом в моей творческой работе и помощником в моей общественной жизни. Связав свою жизнь с моей, она отказалась от возможности устроить так или иначе свою личную жизнь помимо нашей общей жизни, и после моей смерти недостаточно обеспеченная мною, она оказалась бы в горестном и бедственном положении»¹.

25 февраля 1945 г. первый заместитель председателя Совета народных комиссаров В.М. Молотов поручил копии этого письма и завещания направить наркомку внешней торговли А.И. Микояну, наркомку внутренних дел Л.П. Берию, а также Г.М. Маленкову, исполнявшему в то время обязанности начальника Управления кадров, секретаря ЦК ВКП(б) и заместителя председателя Совнаркома. Таким образом исполнение завещания Толстого было обеспечено. Но в нем имелось уязвимое место: Толстой ничего не написал о праве вдовы на дачный дом в Борвихе. Чтобы понять эту «оплошность» писателя, надо вспомнить о времени его переезда из Ленинграда в Москву.

27 октября 1937 г. Толстой обратился к председателю Совета народных комиссаров В.М. Молотову:

«Дорогой Вячеслав Михайлович,
простите, что я Вас беспокою по личному поводу, но в данном случае личный повод выходит за рамки личного.

За последние несколько лет меня часто вызывают в Москву, где я связан иногда долговременной работой. Все эти переезды отражаются на моей творческой работе. К тому же я считаю, что моя творческая работа требует пребывания в центре нашей жизни.

Я решил переехать в Москву. К Вам я обращаюсь со следующей просьбой: в Хорошевском Серебряном бору есть свободная дача /№ 79/, принадлежащая Моссовету. Предоставление мне этой дачи в аренду на обычных условиях вполне бы меня устроило.

Если Вы считаете мою просьбу выполнимой, очень Вас прошу поручить Московскому Совету предоставить мне эту дачу.

Простите за беспокойство.

Ваш Алексей Толстой

Г. Пушкин
Пролетарская 4
27 окт. 1937»².

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Ед. хр. 1461. Л. 107.

² ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 83. Л. 6.

На письме штемпель с датой поступления в СНК СССР – 31 октября 1937. И положительной резолюцией Молотова. Однако через две недели 13 ноября Молотову сообщили: «А. Толстой по телефону передал следующее:

Ввиду изменившихся обстоятельств он просит предоставить ему дачу под Москвой для постоянного жительства из числа освободившихся, а не дачу № 79 в Серебряном бору, как он просил раньше (т. к. эта дача не подходит и требует достройки).

Дача ему нужна в 11 комнат, т.к. у него большая семья, и обязательно, чтобы дача находилась на берегу Москва-реки.

Он намекнул при этом, что ему 54 года и для того, чтобы оставшиеся годы (10–12 лет) он мог посвятить творческой литературной работе, ему нужна спокойная обстановка.

Завтра он уезжает в Ленинград»¹.

И эту просьбу Молотов поддержал, только сократил количество комнат: «Надо устроить, 8–10 комнат». Внизу страницы стоит пометка об исполнении: «Выделена дача б. Чернова в 10 комнат».

Итак, Толстой от кого-то, возможно от В.Д. Бонч-Бруевича, жившего в Борвихе, узнал, что дачи репрессированных чиновников стоят пустые, попросил одну «из числа освободившихся», и ему досталась дача бывшего наркома земледелия СССР М.А. Чернова, арестованного 7 ноября 1937 г. и 13 марта 1938 г. приговоренного к смертной казни по делу «Антисоветского правотроцкистского блока»². Можно предположить, что Толстой ждал результатов этого суда, потому что на борвихинскую дачу стал переезжать только в июне 1938 г.³ Но не исключено также, что промедление с переездом было вызвано необходимостью закончить в Ленинграде избирательную кампанию по выборам в Верховный Совет СССР (она завершилась в декабре 1937 г.). Важное обстоятельство в этой истории с предоставлением дачи заключалось в том, что Толстой получил ее не в собственность, а в аренду. Этим, вероятно, и руководствовались работники аппарата Совета народных комиссаров, начав вытеснение вдовы из писательского дома.

Толстой умер от рака в феврале 1945 г. Через месяц Хозяйственное управление Совнаркома предложило Л.И. Толстой освободить дачу. Она написала Сталину:

Дорогой Иосиф Виссарионович.

После смерти моего мужа, А.Н. Толстого, единственная цель моей жизни – служить его памяти, это обстоятельство и побуждает меня обратиться к Вам за помощью.

Толстой по складу своего характера и годами выработанной привычке плодотворно мог работать и фактически работал только за городом. Последние семь лет жизни он провел на даче в Борвихе – это его постоянное и любимое место жительства, в устройство и поддержание которого он вложил много сил и личного труда (квартира в городе служила ему лишь для официальных приемов).

Толстой выражал себя ярко не только в творчестве, но и в жизни. Его дом в Борвихе (из семи⁴ комнат) отражает его привычки, вкусы и весь уклад его жизни. Дом обставлен вещами, которые Толстой сам выбирал и приобретал, каждая

¹ Там же. Л. 7.

² См.: Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов / Под общей редакцией А.Н. Яковлева. М.: Изд-во политической литературы, 1991. С. 235; Залесский К.А. Империя Сталин: Биографический энциклопедический словарь. М.: Вече, 2000. С. 480.

³ См.: Перхин В.В. А.Н. Толстой и власть. С. 111.

⁴ Вероятно, это число комнат более всего соответствует действительности.

вещь поставлена его руками, каждая картина повешена им самим, многие вещи неразрывно связаны с его историческими работами. Он страстно любил свой сад, ежедневно много работал в нем и это было органически связано с его творческой работой. Весь сад перекопан, посажен, разбит собственными руками Толстого.

В Борвихинском доме написаны последние книги «Хождение по мукам», «Иван Грозный», «Петр Первый», статьи и рассказы Отечественной войны. Эта дача связана с образом Толстого для всех, кто знал и бывал у нас, – писателей, ученых, артистов, музыкантов, героев Советского Союза, бойцов, партизан и многих людей со всех концов нашего Союза.

Этот дом известен как дом Толстого и за рубежом.

Мне казалось бы, что сохранение этого дома, каким он был при жизни Толстого, будет данью его памяти и культурным наследством для будущего.

С просьбой об этом я обратилась в Совнарком СССР. Сегодня я получила отказ. Тов. Чадаев сообщил мне, что я должна освободить дом в Борвихе для того, чтобы он мог быть, по его словам, “использован по назначению”, так как эта дача принадлежит Хозяйственному управлению Совнаркома СССР.

Я обращаюсь к Вам с горячей просьбой, если сейчас несвоевременно превращать эту дачу в мемориальную усадьбу, – дать мне возможность сохранить дачу Толстого в Борвихе. **ЕСЛИ ЭТО НУЖНО, Я ГОТОВА ОТКАЗАТЬСЯ ОТ КВАРТИРЫ В МОСКВЕ, КОТОРАЯ СОХРАНЕНА МНЕ КАК ЗА ВДОВОЙ АКАДЕМИКА**, и с радостью отдать все свои средства и силы на поддержание дачи в Борвихе, так как считаю это своим долгом перед памятью Толстого и нашей культурой. Я не говорю о том, что мне невыносимо тяжело покинуть дом, где всё говорит о нем, где протекли последние годы нашей жизни и где до последнего момента, уже смертельно больной, Толстой продолжал работать, служа своему народу и своей родине.

Примите мое искренне глубочайшее уважение

Л. Толстая.

3 апреля 1945 г.»¹

До адресата письмо не дошло – личный секретарь Сталина А.Н. Поскребышев переправил его Молотову. Синий карандаш начертил: «Почему т. Чадаев это сделал, никого не спросив? В. Молотов. 4/IV».

Как видим, Молотов был в недоумении, но не решился отменить действие Я.Е. Чадаева, управляющего делами Совнаркома, и однозначно встать на сторону вдовы. Эта неопределенность сохранялась до весны 1946 г., когда притеснители Толстой вновь активизировались. Она опять обратилась к Сталину:

«Москва.

28 марта 1946 г.

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович,

С глубоким волнением обращаюсь к Вам: Алексей Толстой, мой покойный муж, всегда жил и работал за городом. Единственное сохранившееся место, где он долго жил и написал свои последние произведения, это дача в Борвихе. Сейчас мне предложено срочно освободить эту дачу. Я горячо прошу Вашей помощи.

Примите мое искреннее уважение

Л. Толстая»².

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Ед. хр. 1461. Л. 99–99об. Машинопись. Подпись – автограф. Печатается с сохранением орфографии и пунктуации подлинника.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 463. Л. 1. Машинопись. Подпись – автограф.

На сей раз Поскребышев направил письмо Г.М. Маленкову. 29 марта письмо поступило в Особый отдел ЦК ВКП(б), 9 мая – в его Технический секретариат, 22 мая – к заведующему Отделом Управления пропаганды и агитации Г.И. Владыкину. Последний навел справки и узнал: «Этот вопрос рассматривался т. Молотовым. Дача в Борвихе сохранена за Л.И. Толстой»¹.

Получив это сообщение, Толстая обратилась в Союз советских писателей, где ее идея мемориального музея в Борвихе понравилась. Председатель Правления ССП СССР Н.С. Тихонов написал Молотову:

«А.Н. Толстой последние восемь² лет своей жизни жил и работал на даче в Борвихе. Эта дача является единственным местом, отражающим бытовые условия, в которых жил и творчески работал покойный писатель.

Дача под Ленинградом, в Пушкине, в которой А.Н. Толстой жил до переезда в Москву, уничтожена фашистами.

Дача в Борвихе, принадлежащая Хозяйственному Управлению Совета Министров СССР, обставлена вещами А.Н. Толстого и поддерживалась вдовой писателя в том виде, в каком эта дача была при жизни покойного писателя.

На днях Хозяйственное Управление предложило вдове А.Н. Толстого освободить дачу и вывезти всё находящееся там имущество, в том числе и материалы, относящиеся к литературному архиву А.Н. Толстого.

Правление Союза советских писателей СССР просит сохранить дачу А.Н. Толстого в том виде, в каком есть, со всей находящейся в ней обстановкой, для создания в этом помещении мемориального музея А.Н. Толстого.

Председатель Союза советских писателей СССР Н. Тихонов»³.

4 апреля письмо Тихонова поступило в секретариат Молотова. 5 июня 1946 г. секретарь Молотова сделал пометку на этом письме: «В архив. Вопрос отпал. Дача оставлена». «Дача оставлена» за Толстой, но вопрос о музее даже не обсуждался.

3 сентября 1946 г. Толстая обратилась к секретарю ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам А.А. Жданову: «Я написала тов. Сталину. Ответа не получила, но вопрос больше не поднимался до следующей весны. Нынешней весной Хозяйственное Управление стало настаивать на освобождении дачи, я написала Молотову. Мне сказали, что Молотов займется этим вопросом со временем, чтобы я жила спокойно». Вскоре выяснилось, как следует из письма Толстой, что нажим Хозяйственного управления вызван тем, что «дача нужна министру». «Я же, – заключала Толстая, – не чувствую себя вправе принимать личные решения, так как речь идет не о даче для меня, а о сохранении дома писателя, где он жил и работал»⁴.

Между тем Совет народных комиссаров был преобразован в Совет министров СССР, а на пост руководителя ССП СССР вернулся А.А. Фадеев, который решил реализовать идею мемориального музея. 5 октября 1946 г. он написал Жданову. Сначала сообщил, что в 1938 г. по распоряжению Молотова писатель с семьей получил дачу «в бессрочное пользование». Далее говорилось: «На днях Хозяйственное Управление СМ СССР предложило семье Толстого освободить дачу и занять другую меньшей площади». В заключение подчеркнул: «Правление Союза писателей просит сохранить дачу как мемориальную усадьбу»⁵.

¹ Там же. Л. 2.

² Точнее – шесть лет и восемь месяцев, с июня 1938 по февраль 1945 г.

³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Ед. хр. 1016. Л. 49. Машинопись. Подпись – автограф.

⁴ РГАСПИ. Ф. 125. Оп. 125. Ед. хр. 463. Л. 40.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 463. Л. 39.

У могил Л.И. Толстой и А.Н. Толстого. Новодевичье кладбище. Москва. 2010. Фото автора. Публикуется впервые.

8 октября Жданов сообщил своему подчиненному, начальнику Управления пропаганды и агитации Г.Ф. Александрову, что Секретариат ЦК создал комиссию в составе Г.Ф. Александрова, А.А. Фадеева, Я.Е. Чадаева для рассмотрения заявления Толстой. Эта «тройка» пришла к выводу, что Хозяйственное управление Совета министров «не учитывает литературно-мемориальное значение» тех вещей, которые находятся на даче. «Лишение семьи А.Н. Толстого этой дачи произведет крайне неблагоприятное впечатление на писательскую общественность и будет воспринято как неуважение к памяти выдающегося советского писателя». В конце звучал вывод о том, что дача должна стать «мемориальной усадьбой»¹. Комиссия подготовила соответствующий проект решения ЦК ВКП(б).

Г.Ф. Александров и ранее признавал авторитет Толстого², с мнением романиста считался А.А. Фадеев, в 1940 г. согласившийся с предложением Толстого присудить Сталинскую премию А.А. Ахматовой за сборник «Из шести книг» и принявший его же аргументацию в пользу романа М.А. Шолохова «Тихий Дон»³. Тогда люди Жданова не пропустили Ахматову⁴. Главный идеологический контролер

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 463. Л. 42.

² См.: *Перхин В.В.* А.Н. Толстой и власть. С. 183–184.

³ См.: Там же. С. 126.

⁴ См.: «Литературный фронт». История политической цензуры 1932–1946 гг.: Сб. документов / Сост. Д.Л. Бабиченко. М.: Энциклопедия российских деревень, 1994. С. 72–73.

помнил, конечно, о симпатиях Толстого и своих расхождениях с ним¹. Одобрить создание музея памяти защитника Ахматовой, особенно после принятого в августе 1946 г. постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», где об Ахматовой говорилось, что ей надо прекратить «доступ в журналы»², он никак не мог. К тому же с мнением «писательской общественности», которое Фадеев призывал слушать, Жданов не считался. Отметим и такое совпадение: после этого постановления Толстая не печаталась в журналах.

Тогда же Толстая просила оказать материальную помощь на содержание дачи³. В этом ей, видимо, было отказано. Из-за материальных трудностей она вынуждена была оставить как борвихинский дом, так и идею мемориального музея.

Теперь все ее силы были направлены на подготовку и редактирование полного собрания сочинений А.Н. Толстого в 15 томах; она консультировала скульптора Г.И. Мотовилова, создателя надгробного памятника на Новодевичьем кладбище и памятника в Москве у Никитских ворот напротив Церкви Вознесения, в которой венчался А.С. Пушкин, установленного в 1958 г. недалеко от московского дома А.Н. Толстого. В этом доме Людмила Ильинична жила до 1982 г. (ее могила напротив через дорожку от могилы мужа). Спустя несколько лет был открыт мемориальный музей, за создание которого она боролась в послевоенные годы.

ЛИТЕРАТУРА

Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК ВКП(б) – ОГПУ – НКВД о культурной политике 1917–1953 гг. / Сост. А. Артизов и О. Наумов. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. 872 с.

Деятели русского искусства и М.Б. Храпченко, председатель Всесоюзного комитета по делам искусств (апрель 1939 – январь 1948): Свод писем / Изд. подготовил В.В. Перхин. М.: Наука, 2007. 791 с.; ил.

Залесский К.А. Империя Сталин: Биографический энциклопедический словарь. М.: Вече, 2000. 605, [1] с.

«Литературный фронт». История политической цензуры 1932–1946 гг.: Сб. документов / Сост. Д.Л. Бабиченко. М.: Энциклопедия российских деревень, 1994. 272 с.

Милашевский В.А. Вчера, позавчера... : Воспоминания художника. 2-е изд., испр. и доп. М.: Книга, 1989. 399 с., ил.

Оклянский Ю.М. «Бурбонская лилия» графа Алексея Толстого. Четвертая жена. М.: Золотой свиток, 2007. 576 с.

Перхин В.В. А.Н. Толстой и власть. СПб.: Алетейя, 2017. 240 с.

Прянишников Б. А.Н. Толстой в Барвихе // Родина. 1991. № 4. С. 56–58.

Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов / Под общей редакцией А.Н. Яковлева. М.: Политиздат, 1991. 462 с., ил.

REFERENCES

¹ См.: *Перхин В.В.* А.Н. Толстой и власть. С. 92, 126.

² Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК ВКП(б) – ОГПУ – НКВД о культурной политике 1917–1953 гг. / Сост. А. Артизов и О. Наумов. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. С. 590.

³ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 463. Л. 41.

Power and the Artistic Intelligentsia. Documents of CK VKP(B) – OGPU – NKVD on the Cultural Policy of 1917–1953 / Compil. A. Artizov and O. Naumov. Moscow. Mezhdunarodny Fond “Demolratiya” Publ. 1999. 872 p.

The Persons of Russian Art and M.B. Khrapchenko, Chairman of the All-Union Committee on Arts (April 1939 – January 1948): Collection of Letters / Prep. by V.V. Perkhin. Moscow. Nauka Publ. 2007. 791 p.; ill.

Zalessky K.A. (2000) Empire Stalin: Biographical Encyclopedic Dictionary. Moscow. Veche Publ. 605, [1] p.

“Literaturny Front”. The History of Political Censorship of 1932–1946: The Documents Collection / Compil. D.L. Babichenko. Moscow. Encyklopedia Rossiyskikh Dereven’. 1994. 272 p.

Milashevsky V.A. (1989) Yesterday, the Day before Yesterday... : The Artist’s Memories. 2nd ed., revised and additional. Moscow. Kniga Publ. 399 p.; ill.

Oklyansky Yu.M. (2007) “Bourbon Lily” of Count Alexei Tolstoy. The Fourth Wife. Moscow. Zolotoy Svitok Publ. 576 p.

Perkhin V.V. (2017) A.N. Tolstoy and Power. St.-Petersburg. Aletya Publ. 240 p.

Pryanishnikov B. A.N. Tolstoy in Barvikha. *Rodina*. 1991. No 4, pp. 56–58.

Rehabilitation. Political Processes of the 30–50-ies / Ed. by A.N. Yakovlev. Moscow. Politizdat Publ. 1991. 462 p.; ill.

Сведения об авторе:

Владимир Васильевич Перхин,
доктор филол. наук
профессор
Институт «ВШЖиМК»

Санкт-Петербургский государственный
университет

Perkhin Vladimir,
Doctor of Philology
Professor
School of Journalism
and Mass Communications
Saint-Petersburg State University

perhin-vlad@yandex.ru